

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 7

1986

Валентин СИДОРОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

УСТРЕМЛЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 7

Валентин СИДОРОВ

УСТРЕМЛЕНИЕ

**Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986**

Валентин СИДОРОВ

Валентин Митрофанович Сидоров родился в 1932 году в городе Воронеже. В 1954 году окончил философский факультет Московского университета. Выпустил в свет восемнадцать поэтических сборников. Он является также автором двух книг — «На вершинах» и «По маршруту Рериха», посвященных творческому наследию великого русского художника и мыслителя Николая Константиновича Рериха.

Для Валентина Сидорова характерен глубокий интерес к многовековой культуре Индии, к проблемам традиционной связи между нашими народами. В 1980 году вышла составленная им поэтическая антология «Раздумье об Индии»: в нее вошли лучшие стихи русских и советских поэтов об Индии.

Валентин Сидоров принимает активное участие в пропаганде и популяризации русского классического наследия. Он является председателем Всесоюзного Тютчевского комитета.

С 1968 года по настоящее время он работает руководителем поэтического семинара в Литературном институте имени А. М. Горького. Валентин Сидоров — доцент Литературного института, кандидат филологических наук.

ПРОШЕНИЕ

Была бумага рябоватой.
Свидетельство прошедших лет —
Скрепленное далекой датой
Прошение в волостной совет.

Молил и требовал Межуев —
Без объяснения причин —
«Прошу снять звание буржуя
И дать мне пролетарский чин».

Какою бурей и встряской
Вверх дном перевернуло век,
Чтобы просил не титул графский, —
А пролетарский — человек!

Решить вопрос не так-то просто,
Когда навечно и всерьез.
Средь неотложнейших вопросов
Рассмотрен был и тот вопрос.

Венчала, завершая дело,
Официальная печать.
И резолюция синела
Отчетливая:

«Отказать!»

«Считать Межуева буржуем, —
Гласил решительный ответ, —
Поскольку гражданин Межуев —
Кулак, дракон и мироед».

Я вчитывался в эти строки.
Звучал в наклоне этих строк
Стиль революции высокий,
Ее неповторимый слог.

Звучала в них непримиримость,
В них все дышало прямотой.

«Сим победиши!» — говорилось
Об убежденности такой.

ДУХОВЫЕ ОРКЕСТРЫ

Какая сила в духовых оркестрах.
Какая сила и какая грусть
В мелодиях забытых и известных
И вытверженных нами наизусть.

Когда они вторгаются в безмолвье,
Особым светом все освещено,
В Воронеже, в Орле и в Подмоскowie
Взрывной волною время смещено.

Глядит нам вслед огнем объятый город.
Пыль на висках, как будто серебро.
И воздух цепенеющий расколот
Тревожной сводкой Совинформбюро.

А небо, небо — в непрерывном гуле...
Играют трубы на закате дня,
И звуки, как светящиеся пули,
Летят в закатном зареве звеня.

Когда к холодным мундштукам припавши,
Оркестры будят тишину вокруг,
Дыханье павших, без вести пропавших
Опять весь мир пронизывает вдруг.

И вот опять проснулось и воскресло
Все то, что сердце знает наизусть...
Какая сила в духовых оркестрах,
Какая сила и какая грусть...

БЫЛА НЕ ПРОСТОЮ ВОЙНА...

Не все я увидел и понял.
Над памятью мы не вольны.
Но помню, отчетливо помню
Я первую осень войны.

Платок повязавши по-вдовьи,
Соседка сидит, наклонясь.
А во поле — туши коровьи,
Застывшие, вмерзшие в грязь.

Доныне — глаза лишь закрою —
Опять воскрешает мой взгляд:
Стоят эти туши коровьи,
Ну как монументы стоят.

Кружились уж белые мухи,
И стужа гудела в печи.
И вот собирались старухи
При свете коптилок в ночи.

За окнами стыла деревня.
И помню — твердили они:
«Настало расплатное время,
Настали расплатные дни».

А осень сменялась зимою.
Потом зеленели кусты.
И в воздухе, вязком от зноя,
Все небо чертили кресты.

И, гулко в ушах отдаваясь,
Катилась взрывная волна.
На запад от нас удаляясь,
Была бесконечной война.

Безмолвной она притворялась,
Но степи кричали навзрыд.
В который уж раз повторялось:
«Пал смертью героя, убит».

Те дни не подвластны рассказу.
Была не простою война.
За все человечество сразу
Мы все уплатили сполна.

* * *

Предсмертные вспыхнут зарницы,
Которые нам не видны,
И с нами навеки простится
Последний участник войны.

Охвачены скорбью и грустью,
В угрюмой и стылой дали
Мы гроб деревянный опустим
В холодное лоно земли.

Но знаю — не будет, не будет
Потрясшего весь небосклон
Прощального залпа орудий
И траурных всплесков знамен.

В тумане седом и прогорклом
Неведомо будет для нас,
Кого на безвестном пригорке
Мы с вами хороним сейчас.

Тот холмик весенней порою
Покроется дикой травой,
И мы не узнаем с тобою,
И мы не увидим с тобой,

Что светом тревожным и строгим
Полна устремленная высь,
Что все фронтовые дороги
На холмике этом сошлись,

Что в синюю изморось круто
Взметнувши торжественный дым,
Победное пламя салюта
Сто раз полыхнуло над ним.

* * *

Во мгле и суете ревущей
Дай бог, чтоб в нас не прервалась
Минувших, нынешних, грядущих
Времен возвышенная связь.

Ты чувствуешь тени чьих-то крыльев?
Тревожит душу трубный глас.
Ты слышишь их:

и тех, что были,
И тех, что будут после нас?

Воскресли мертвые просторы,
Неразличимые сквозь дым.
О, этот всенародный форум,
Как мы ответственны пред ним!

Стираются столетий грани
В неколебимой синеве.
Мы только часть того собрания,
Мы в том собрание в меньшинстве.

И свод небес, и эти дали —
Все, все, что видишь ты кругом,
Им, им принадлежит вначале,
А нам принадлежит потом.

Пускай в пустынном мироздании
Неуловим их зыбкий след,
Не утешай себя сознаньем:
Мол, я живу,
а их ведь — нет.

Стократ сомнение это лживо!..
Они, как из бессмертья весть,
В твоей душе должны быть живы,
Коли душа, конечно, есть.

* * *

Мне раньше часто говорили
(Теперь уже не говорят):
Тебе из множества фамилий
Не лучшая досталась, брат.

Коль разобраться в этом честно,
Тут постаралась жизнь сама,
Что так молвою повсеместно
Она обыграна весьма.

Не та фамилия, ей-богу.
Она — находка для врагов.
С тобой равняться только могут
Один Петров да Иванов...

А я, возвращенный русским полем,
Не мог понять их, хоть убей.
Я был доволен, был доволен
Всегда фамилией своей.

А я — признаться — горд отчасти,
Поскольку в час рожденья свой
Я как бы некой высшей властью
Повенчан с отчею землей

Фамилией.

И потому-то
Она превыше всех наград.
А коль не нравится кому-то,
То, право, я не виноват.

На месте критика иного
Я б, может, почитал за честь,
Что есть Петровы, Ивановы,
А также Сидоровы есть.

Фамилии эти непростые.
Они — гранит и монолит.
Как бы на трех китах Россия
На тех фамилиях стоит.

Душа от них неотделима.
И счастлив я, как никогда,
Что бог хранил от псевдонима...
Сейчас бы умер от стыда.

ЗЕМЛЯ

Под небосводом просветленным,
Струющим свежесть родника,
Казалось все одушевленным.
Трава. Деревья. Облака.

И дух ржанных хлебов веселый
Царил в бревенчатом дому.
И бабы, подоткнув подола,
В прозрачном утреннем дыму,

За покривившейся оградой
Творя языческий обряд,
Все колдовали над рассадой
Да приговаривали в лад:

«Густо-густо
Расти, капуста.
Не будь голенаста,
А будь пузаста.
Не будь красна,
А будь вкусна».

В холодной и пустынной сини
Как и когда оборвалась
Непостижимая огненные
С землей таинственная связь.

Для шумной славы, для забавы
Мы с упоением почти
Твои, земля, травили травы
Мutilи светлые ручьи.

Во власти призрачных усилий,
Гордыни, мелкой кутерьмы
Мы позабыли, позабыли:
Земля — живая.
Как и мы.

* * *

...Но даже здесь, где в час урочный
Душа в покой погружена,
Увы, условна и непрочно
И ненадежна тишина.

Ревут, как некие торпеды,
В зеленых сумерках аллей
То мотоциклы, то мопеды,
Враги природы и людей.

Они проносятся сегодня,
Железный образуя вихрь,
И наказанием господним
Старушки называют их.

Им, как трещотка, эхо вторит,
Взрывая призрачный покой,
Всему живущему на горе
Над загазованной рекой...

* * *

Стоит туман над тихим Доном,
Такой седой, такой густой,
Что еле видно, как по склонам
Трепещет летний травостой.

В конце проспекта городского
Среди задымленных бугров
Я угадать пытаюсь снова
Изгибы прежних берегов.

Когда ж туман осядет ниже,
Когда уйдет в лесной прогал,
Я вновь увижу, вновь увижу:
Я все неверно угадал.

Как будто ветки краснотала,
До боли белое село
И все, чего теперь не стало,
Седым туманом унесло.

Здесь все не так. Здесь все иное.
Другой пейзаж и небосвод.
И даже солнце надо мною
Ущербным месяцем плывет.

* * *

Дерево, птица и человек.
Все, как и прежде. Птица как птица.
А человек на пригорок садится,
Смотрит, как дерево тянется вверх.

Веткой взмахнув в придорожной пыли,
Тенью огромной оно вырастает.
Вот оторвалось оно от земли,
Вот в небесах легким облаком тает.

Вздыбились воды испуганных рек.
Птица от страха глаза закрывает.
А человек? Он бормочет «бывает»,
Ибо привык ко всему человек.

* * *

Островок, мне оставленный, узок.
Пыльный облак повис над бугром.
То, что шепчет мне на ухо Муза,
Я уже разбираю с трудом.

Изменяя рисунок простора,
Почерневшие контуры нив,
Незаметно приблизился город,
Заповедный предел преступив.

И волною тяжелого гула,
И туманною гарью сейчас,
Как и все, островок захлестнуло,
Сохранявшийся чудом для нас.

Под лучами палящего солнца,
В очистительном ветре равнин
Я боюсь, что уже не придется
Нам встречаться один на один.

И боюсь я сказать «до свиданья»
По старинной привычке своей,
Ибо сдвинулось здесь мирозданье
И исчерпана мера вещей.

* * *

Уезжаю в Москву.
Что поделаешь, брат.
Сколько лет я живу,
Столько лет виноват.

Я не знаю и сам,
Тратя попусту пыл,
Сколько бед небесам
И земле причинил,

Сколько раз и кого
Я обидел стократ.
Ну а больше всего
Больше всех виноват,

Виноват перед ней,
Со скорбящим лицом,
Перед мамой своей.
Перед ней. И отцом.

* * *

Превращается все в нарастающий рокот,
И, глотая густеющий в сумерках дым,
Запоздавших советов, устаревших упреков —
Мол, и сами с усами — слушать мы не хотим.

И, привыкнув к гудящему столпотворенью,
Не о наших печалях и бедах пишу.
Милосердия к травам, цветам и деревьям,
Милосердия к птице и зверю прошу.

В нашем мире сегодня становится тесно.
Прорезаются сосны сквозь гомон и чад.
И страшнее всего, что они бессловесны,
А они по ночам не молчат, а кричат.

Но неведомы нам их тоска и тревоги.
Сбились в кучу дремучие прежде леса.
Мы на них наступаем, как грозные боги,
Выжигая холодным огнем небеса.

В смене дней и ночей, суматошной и жаркой,
В вечной спешке своей устремясь напрямик,
Ничего нам не жалко, никого нам не жалко,
Нам не жалко себя, а не то что других.

Но смотри, как безмолвно синеют просторы,
Окаймленные тихой полоской зари.
Отключитесь на миг, помолчите, моторы,
И, бульдозер с раскрытою пастью, замри!

Ах, как дышит светло луговина лесная,
И березы к тебе подступают, слепя.
Эти горькие травы от смерти спасая,
Может быть, ненароком спасешь и себя.

Хоть на миг, но проникнись к безмолвью доверьем,
Отступи, коль заветную видишь межу!
Милосердия к травам, цветам и деревьям,
Милосердия к птице и зверю прошу.

* * *

А твердь над нами раскололась.
Огнем зеленым вспыхнул куст.
Я шелушу пшеничный колос
И зерна пробую на вкус.

Подвластен я привычке древней.
Жива связующая нить.
Не сохранили мы деревню,
Но поле надо сохранить.

Заботой главной век наш болен,
Век скоростей и НТР:
Спасти, спасти от смерти поле,
Вот это поле, например...

* * *

На прохладной вековой опушке,
Где торчат березовые пни,
Слава богу, квакают лягушки,
Вновь перекликаются они.

Вторят небеса многоголоса
В огнецветных отблесках зари.
А недавно вот на тех же плесах
Перестали квакать, хоть умри.

Перестали, словно бы не смели,
Словно бы их не было в живых.
Видимо, мы здорово сумели
Испугать или обидеть их.

А потом — и тут уж не до смеха —
Сами стали жертвой западни.
Но сегодня, если верить эху,
Это все как будто позади.

Снова над зелеными волнами
Лягушачьи трели в камышах.
Может, это к примиренью с нами
Обозначен первый робкий шаг.

Может быть, на вековой опушке,
Где пути протоптаны твои,
Где сегодня квакают лягушки,
Завтра нам засвищут соловьи.
Может быть.

* * *

То ли город сомненьем расколот,
То ли вспять бытие потекло,
Только я замечаю, что город
Превратиться желает в село.

Неотчетливо, робко, несмело —
Но свершается этот процесс,
Ибо, видно, дошел до предела
Ошалевший от шума прогресс.

Что из этого выйдет — не знаем.
Чем закончится все — не понять.
Но листва кружевная, резная
Свой творит микроклимат опять.

По соседству с бетонной площадкой,
В вечном грохоте, в вечной пыли
Вдруг прорезалась узкая грядка
Воскресающей к жизни земли.

Еле-еле заметная вежа.
То не поле еще и не луг.
Но как знамение нового века
Над асфальтом взрывается лук.

И берется за скользкие грабли
Человек, поотвыкший от них.
Вроде руки еще не ослабли,
Да как будто и город притих.

Он рыхлит с наслаждением землю,
Землю вязкую, словно смолу,
И чему-то он тайному внемлет,
Прислонившись спиною к стволу...

* * *

Особым свойством век наш обладает —
Стремленья века, что ли, таковы —
Питаем мозг, а сердце голодает,
Ликует ум, а дух скорбит, увы.

Тьму не умея отделить от света,
Постичь не в силах тайное свое,
Забыли напрочь мы завет заветов:
«Глазами сердца видеть бытие».

«Глазами сердца видеть».

А иначе,
Как говорится, волею судьбы,
Ты в худшем положении, чем незрячий:
По крайней мере знает он, что — слеп.

* * *

Прозрение даждь нам днесь.
Держать пред собою ответ
За все, что свершилось, изволь-ка.
Для памяти прошлое есть,
Для совести прошлого нет,
А есть настоящее только.

Не каждый поймет эту весть.
Покажется чуждым завет:
Не слишком ли сказано тонко —
Для памяти прошлое есть,
Для совести прошлого нет,
А есть настоящее только.

Но, может, вся истина — здесь,
И в сердце пророческий свет
Сейчас утверждается стойко:
Для памяти прошлое есть,
Для совести прошлого нет,
А есть настоящее только.

* * *

Ощущенье вины перед всеми —
Никогда, никогда, никогда
Так пронзительно грустно доселе
Не кричали еще поезда.

Ощущенье вины перед всеми —
Не минутною вспышкой, не вдруг —
Нет, все время, все время, все время
Скорбной тяжестью давит мой дух.

Ощущенье вины перед всеми —
Почему, почему, почему
Не проходит, увы, опасенье:
Мне за все отвечать одному?

Ощущенье вины перед всеми —
Как, скажите, вину искупить?
Может, в этом лишь наше спасенье.
Может быть, может быть, может быть...

* * *

Насилья не терпит пространство,
И можно судить по всему,
Что в час размышлений напрасно
Мы что-то внушаем ему.

Рождая таинственный трепет,
Пространство течет меж стволов,
И так же, как раньше, не терпит
Ненужных движений и слов.

На собственном опыте знаю —
Могу сам себя огорчить —
Задача отнюдь не простая:
Пространство к себе приручить.

Но ставя за векою веку,
Ее мы решаем не зря.
Без этого жить человеку
И трудно, и даже нельзя.

ИЗ ЦИКЛА «МОНОЛОГИ БЕТХОВЕНА»

... Но человек — смешенье двух начал.
Он — на границе смерти и бессмертья.
И потому в нем так сильно безверье
И дух его томится по ночам.

Еще не раз, как некогда Иуда,
Он сам в себе бессмертное предаст.
В тоске о чуде он боится чуда
И потому нетронутую грудой
В нем залегает вечность, словно пласт.

О как чужда нам недоступность эта,
Мерцающая где-то в глубине!
Мы — не рассвет, мы — лишь полоска света
Предначертанье колоса в зерне.

Мы на границе веры и безверья
Не сделаем решающий рывок —
Не распахнем невидимые двери,
Не перейдем невидимый порог...

* * *

Ища потерянные строки,
Нельзя тот город не любить,
И он не может быть далеким,
Он может только близким быть.

Среди тревог, больших и малых,
Возникли вдруг из темноты
Венецианские каналы,
Венецианские мосты.

И ослепленный на мгновенье
Виденьем праздничных дворцов,
Я снова чую чьи-то тени,
Я снова слышу чей-то зов.

В душе легко и невесомо,
И ей, свободной от забот,
Здесь все заранее знакомо
И все известно наперед.

И с новой силой воскресает
Прозрачных звуков волшебство,
И время, время исчезает
Из понимания моего.

И над собой незримо поднят,
И различая свет и мглу,
Я силюсь-силюсь что-то вспомнить,
Но сразу вспомнить не могу.

* * *

Неужто рассорилась Муза
На вечные веки со мной,
Не выдержав перенагрузок
Моей круговерти земной?

Неужто в густеющем мраке,
Приблизив последний предел,
Я вывел волшебные знаки,
А их разгадать не сумел?

Неужто в тиши сокровенной,
Рождающей радость в душе,
Серебряный голос Вселенной
Меня не разбудит уже?

И будет подобен закату
Холодный и праздный рассвет.

Неужто все это взаправду?
... И Муза ответствует: — Нет.

* * *

Я не смею просить ни о чем
На дорогах, горячих от зноя,
Углубляясь в безмолвье лесное,
Наклонясь над прозрачным ручьем.

Я не смею просить ни о чем
В час, когда содрогается воздух
И когда загораются звезды
В необъятном просторе ночном.

Я не смею просить ни о чем,
Даже если приблизились строки
И с пристрастьем пытливые строки
Вопрошают: «С чего мы начнем?»

* * *

Как всегда, серебрится излука,
И опять над рекой и тобой
Трепетанье непойманных звуков
Наполняет простор голубой.

Вот мелькают то ниже, то выше,
Вот игру затевают свою.
Я скорее их вижу, чем слышу.
Я ловил их, теперь — не ловлю.

Я сегодня боюсь торопиться,
Что-то сделать боюсь невпопад.
Пусть свободными будут, как птицы,
Пусть взлетают, куда захотят.

Но надежд не теряю, что кто-то,
Оторвавшись от дружной семьи,
Сядет рядом, устав от полета,
И поведает тайны свои.

* * *

Я не жажду вчерашнего пыла.
Потускнели поля и дома.
Осень жизни уже наступила.
Осень жизни, а завтра — зима.

Завтра, завтра свистящей поземкой,
Превратившейся в бурю и вихрь,
Все, что помню, в свинцовых потемках
Будет скрыто от взоров живых.

Снег придавит холодную хвою,
Остановит течение вод.
А весна, ослепив синевой,
Может быть, для того и придет, —

Чтоб спокойной и чистой душою
Ты бестрепетно принял ее
И приветствовал солнце чужое
С той же радостью, как и свое.

* * *

Пусть поэт говорит о поэтах,
Если час объяснения настал.
Сверхкомплектные жители света —
Так когда-то нас Пушкин назвал.

Сверхкомплектные. В этом все дело,
В этом вся сокровенная суть,
И теряется в дальних пределах
Устремленный извилистый путь.

Кто — скажите — сумеет поверить
В недоступный для глаза исток?
Кто — скажите — сумеет измерить
Звездный возраст пророческих строк?

Кто — скажите — услышит наш возглас:
— Хоть мы этим строкам и сродни,
Но и сами не знаем их возраст
И не знаем, откуда они.

* * *

Неужто духом я устал,
Не видя берегов?
И говорить я перестал
На языке богов.

Безмолвье давит, как гранит,
На письменный мой стол.
Полузадушенный, хрипит
И корчится глагол.

Но он не мертвый. Он — живой.
И различает слух
Какую силу — божье мое! —
Он обретает вдруг.

Какую силу!.. И во мгле
Зов повторяется во мне.

«Сверкает тайна бытия
На стыке грозных дней.
Волна идет через тебя...
Так не противься ж ей!»

* * *

Поэт не прав. Не вышел он в пророки
Ни статью, ни фигурой, ни лицом.
Но говорят недаром на Востоке:
Коль надо, будет муравей гонцом.

Кого, зачем, перебирая строки,
Прследуем язвительным словом?
Ведь весть пришла в назначенные сроки,
А вестник... что ж... бог с ним в конце концов.

Он — муравей. Он должен торопиться.
Он, не дождавшись часа торжества,
Под тяжелой ношей может надломиться.

Что из того. Незыблемы слова,
К которым сердце радостно стремится.
Поэт не прав. Поэзия права.

* * *

Но есть основа всех основ,
Но есть начало всех начал,
Где в исполнение давних снов
Ты обретаешь свой причал.

Чужое эхо не лови.
От всех сомнений отрешись,
Коль слышишь вечный зов любви:
— Я — путь, я — истина, я — жизнь.

* * *

Отринув суету
И суесловье,
Я миг прозренья праздничный
Ловлю.
Любовь —
Хлеб жизни.
И его в безмолвье
С благоговеньем тайным
Преломлю.

О нем,
О нем,
А вовсе не о чуде,
Не о сверканье
Херувимских стай
Молили люди,
Требовали люди:
— Насущный хлеб
На каждый день нам
Дай!

* * *

Пылайте сердцами!
Творите любовью!
И все, что тебя осаждало когда-то,
И все безнадежно глухое,
Слепое
Уйдет без возврата.
Уйдет без возврата.

И все, что навеяно смутными снами,
Уйдет,
И уляжется давняя смута.
А птицы проносятся низко над нами,
А птицы щебечут,
Приветствуя утро.

Да будет,
Да будет нам в вечную память
Огнем голубым опаленное лето!
И воздух сейчас как незримое пламя,
И сердце мое переполнено светом.

О нет, не бывает безмолвным
Безмолвье!
Трубят на рассвете
Поля и дубравы:
— Пылайте сердцами!
Творите любовью!
А все остальное приложится, право.

* * *

В нескончаемом гаме и гуле,
Столь привычными нынче для нас,
Голубые ворота июля
Распахну в предназначенный час.

Я спущусь по замшелому склону
Мимо древних коряг напрямик,
Где укрылся под темною кроной
Чистый-чистый, как небо, родник.

Над притихшей и влажной травой
Голос мой зазвучит не впервой.

— Я пришел за водою живою,
Как когда-то за мертвой водой.

Здесь под сенью безмолвного дуба
В сокровеннейшем центре Руси
Припаду к заповедному дубу.
— Напой. Исцели. Воскреси.

* * *

Я возвращаюсь, словно возрождаюсь.
И это происходит всякий раз,
И постепенно я освобождаюсь
От праздных мыслей и ненужных фраз.

Вдыхая запах пойменного луга
И продолжая свой маршрут, мой друг,
Я не иду по замкнутому кругу,
А с новой силой разрываю круг.

Пусть говорят, что, дескать, повторился,
Что у бывшего я плетусь в хвосте.
Но где родился, там и пригодился.
Вначале — там.

Потом уже — везде.

* * *

Порой не задумавшись даже
Над смыслом мелькающих дней,
Меняем дома и пейзажи
И близких меняем друзей.

Боюсь, что в стальной круговерти,
С которой сдружились давно,
До самой, наверное, смерти
Нам что-то менять суждено.

Но есть в стороне сокровенной,
Но есть на пригорке крутом
Окутанный дымкой Вселенной
Не тронутый временем дом.

У каждого свой. Постоянный.
Дыханьем листвы осенен.
Как правило, он — деревянный,
С печным отоплением он.

Безмолвно пылают зарницы
На стыках невидимых рек.
Он может во мгле раствориться,
В пространстве растаять навек.

Но что б ни случилось, однако,
И небо, и землю сместив,
Порядок вещей одинаков:
Пока я не умер — он жив.

Он жив.

И дорогой покатой,
Пригнувшись у двери сперва,
Я в эту незримую хату
Войду и не раз и не два.

И так же, как некогда, будет
Земля уходить из-под ног,
И мертвые дали разбудит
Протяжное слово: «Сынок!»

МАМЕ

Да будет Свет, да будет Свет,
Да будет море Света!
А смерти нет, а смерти нет —
Я точно знаю это.

Из века в век прядется нить,
Которой нет предела.
Мы после смерти будем жить,
А как — другое дело.

Нет перерыва, нет конца.
Слова о смерти лживы,
И наши души и сердца
Ничем нерасторжимы.

Пушай идут-текут года,
Пусть мгла сменяет солнце,—
Твой светлый облик навсегда
Стихом моим спасется...

СЕМИЛУКСКАЯ РОЩА

Повторяю маршрут прошлогодний.
Сколько раз повторялся уж он.
Сколько раз — и не вспомнишь сегодня —
Я к тебе приходил на поклон.

Я искал сокровенное слово,
В каждый шорох, как в тайну, вникал.
Я беседовал с тенью Кольцова
И речам его тихим внимал.

И случалось всегда почему-то,
Если шел разговор по душам,
То, как правило, в эту минуту
Нам с тобою никто не мешал.

Роща, роща. Плакучие ивы.
(Но не плакали — пели они).
И воистину был я счастливым,
И воистину жил в эти дни!

* * *

Я воскрешаю в памяти тропинки,
Я воскрешаю в памяти своей
И легкий трепет скользкой паутинки,
И звучное паденье желудей.

Подсчет годов ведет кукушка где-то
В прохладной и прозрачной полумгле.
Наполовину умершее лето
Лежит травой пожухлой на земле.

Ну вот и август на исходе вроде.
Прощай, прощай. Но говорит народ,
Что все проходит, да не все уходит.

Так пусть мгновенье это не уйдет.

* * *

Неотвратима в сердце ностальгия
И белоснежна, словно полотно,
И с нею лишь рифмуется Россия,
А больше не рифмуется никто.

Исколесивший, может быть, полсвета
(Не подсчитаешь, сколько налетал),
Я знаю это. Точно знаю это.
Не понаслышке знаю. Испытал.

Вдали, вдали от светлых рек России,
Плакучих ив и полевых дорог
Не представляю, как живут другие.
Не понимаю. Я бы так не смог.

БОЛГАРСКИЙ ТРИПТИХ

Людмиле ЖИВКОВОЙ

КИРИЛЛИЦА

Так вот они — наши истоки.
Плывут, в полумраке светясь,
Торжественно — строгие строки,
Литая славянская вязь.

Так вот где, так вот где впервые
Обрел у подножия гор
Под огненным знаком Софии
Алмазную твердость глагол.

Великое таинство звука,
Презревшее тленье и смерть,
На синих днепровских излуках
Качнуло недвижимую твердь.

И Русь над водой многопенной,
Открытая вольным ветрам,
«Я есмь!» — заявила Вселенной,
«Я есмь!» — заявила векам.

РЕРИХ В БОЛГАРИИ

Туманом недвижимым и плотным
Безмолвье на город легло.
Искрясь и мерца, полотна
Ушли далеко-далеко.

Ушли, насыщая пространство
На стыке грядущих путей.
Ушли. Но остался, остался
Их отсвет на лицах людей.

В ночном и холодном безмолвье,
Как в некоем загадочном сне,
Разряды неведомых молний
Над Витошей чудятся мне.

На прежней и новой основе
Почувствовать нынче дано:
Не только мы братья по крови,
Мы братья по духу давно.

Мы братья по духу. И значит
Мы звездные строим мосты.
И именно нам предназначен
Космический зов Красоты.

Незримое пламя пылает
И нас вырывает из тьмы,
И радостный ток Гималаев
Вы чувствуете так же, как мы.

— — —

МОНУМЕНТ КОЛОКОЛОВ

Он, вознесенный над холмом уснувшим,
Над невесомой и прозрачной мглой,
Соединил грядущее с минувшим
И небеса соединил с землей.

Да будет так, как раньше не бывало.
Единый импульс всей планете дан.
Пусть гудят над горным перевалом
В урочный час колокола всех стран.

Над крышами сверкающей Софии
Пусть плывут в пространстве голубом
И голоса басовые России,
И звук индийский первозданный: ОМ.

Пусть перезвон торжественный наполнит
Простор, преобразившийся вокруг,
Пусть перезвон торжественный напомнит
О том, чем жив наш устремленный дух,—
О вечности.

— — —

УСТРЕМЛЕНИЕ

Цикл стихотворных медитаций «Устремление» построен на использовании индийской поэтической традиции. Согласно законам жанра, здесь намечены темы для размышления и внутренней работы.

Когда мы устремляемся к истоку,
Никто прервать не в силах этот ток.

— — —

Твоя победа — в этом устремлении.

— — —

Не бойся слов. Не бойся недостатков.
Есть устремление — значит будет все.

— — —

Коль устремлен, ошибки отпадут.
Они сгорят в движении непрестанном.

— — —

Колючки мелкие, оставшиеся в теле,—
Все выдерни. Забудь о них. На взлет!

— — —

Учись летать, а не парить.
Паренье — отдых, а полет — работа.

— — —

Что значит вечность? Прошрое, сейчас,
Грядущее? Оно ни то, ни это.
А время вереницею зеркал
Мне представляется. И отражая вечность,
Оно порой ее и искажает.

— — —

Чтоб разглядеть глубинный смысл вещей,
На миг мы останавливаем время.
Миг равен вечности, когда ты устремлен.

— — —

Победа — устремление. Потому
Единственный мой лозунг — Устремление!

— — —

Идти назад — обречь себя на смерть.
Остановиться — значит смерть настигнет.
Иди вперед, дабы отстала смерть.
Она отстанет, ибо даже мысль
О ней исчезнет.

Не только явь преобразуйте. Сон
Преобразуйте устремленным духом.

— — —

Сон кончился с момента устремленья.
Вступивший в царство истинной свободы
Не возвратится больше в царство сна.

— — —

Вперед, вперед! Нет перерыва. Есть
Трамплин пред тем, как прыгнуть в неизвестность.

— — —

Жизнь — устремленье. Если осознаешь
Всем существом простую эту мысль,
Жизнь не прервется даже на мгновенье.

— — —

Не через ум, а через сердце — вверх!

— — —

Усилье радостным становится. Тогда
И происходит чудо превращенья.
Тогда едины небо и земля.
Нет дисгармонии. Есть устремленье духа.

— — —

Унынье и усталость преходящи.
Непреходящи радость и любовь.

— — —

А устремленье высекает радость
Из всех препятствий и из всех преград.

— — —

Мой отдых — устремление вперед.
Мой праздник и награда — устремленье!

— — —

Процесс преображенья очень прост:
Быть устремленным каждое мгновенье.

— — —

Победа там, где побеждает дух.
Все остальное — не победа.

— — — — —
Не возвышаюсь я, а устремляюсь.
Вот так возможно четко различить
Корысть и бескорыстие отныне.

— — — — —
Коль обозначены дороги восхождения,
Наполовину путь преодолен.

— — — — —
Из устремленья вырастаешь ты —
Твой звездный образ и надзвездный тоже.

— — — — —
Вперед, вперед, — дабы прийти к себе!

— — — — —
Вершина всех вершин в самом тебе.
К ней устремись. Отсюда все увидишь.

— — — — —
Миллионы солнц сейчас в тебе горят.
Где Макрокосмос и где Микрокосмос?
Границ меж ними ты не проведешь.

— — — — —
Неизмеримое лишь может измерять,
А беспредельное обозначать пределы.

— — — — —
А через небо постигайте Землю,
А через Космос самого себя.

— — — — —
Идущий сверху и идущий снизу
Встречаются, чтоб истину познать.

Помни, что устремление — это не прямая линия, а повороты,
повороты, ведущие вверх по спирали.

Помни, что все можно отнять у человека, кроме его устремления,
ибо оно не зависит ни от чего: если оно есть, то оно есть; что б ни
случилось, оно есть.

И, наконец, помни:

Слова есть Слово, если устремлен.

СОДЕРЖАНИЕ

Прощение	3
Духовые оркестры	4
Была не простою война...	4
«Предсмертные вспыхнут зарницы»	5
«Во мгле и суете ревущей»	6
«Мне раньше часто говорили»	7
Земля	8
«...Но даже здесь, где в час урочный»	9
«Стоит туман над тихим Доном»	9
«Дерево, птица и человек»	10
«Островок, мне оставленный, узок»	10
«Уезжаю в Москву»	11
«Превращается все в нарастающий рокот»	11
«А твердь над нами раскололась»	12
«На прохладной вековой опушке»	13
«То ли город сомненьем расколот»	13
«Особым свойством век наш обладает»	14
«Прозрение даждь нам днесь»	15
«Ощущенье вины перед всеми»	15
«Насилья не терпит пространство»	16
Из цикла «Монологи Бетховена»	16
«Ища потерянные строки»	17
«Неужто рассорилась Муза»	17
«Я не смею просить ни о чем»	18
«Как всегда, серебрится излука»	18
«Я не жажду вчерашнего пыла»	19
«Пусть поэт говорит о поэтах»	19
«Неужто духом я устал»	20
«Поэт неправ. Не вышел он в пророки»	20
«Но есть основа всех основ»	21
«Отринув суету»	21
«Пылайте сердцами!»	21
«В нескончаемом гаме и гуле»	22
«Я возвращаюсь, словно возрождаюсь»	23

«Порой не задумавшись даже»	23
Маме	24
Семилюкская роща	24
«Я воскрешаю в памяти тропинки»	25
«Неотвратима в сердце ностальгия»	25
Болгарский триптих	
Кириллица	26
Рерих в Болгарии	26
Монумент колоколов	27
Устремление	27

Валентин Митрофанович СИДОРОВ

УСТРЕМЛЕНИЕ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 05.09.85. Подписано к печати 16.01.86. А 00612.
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,44. Усл. кр.-отт. 1,58.
 Тираж 80 000. Изд. № 339. Зак. № 1861. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Страхование жизни поможет Вам накопить и получить через 5, 10, 15 или 20 лет в зависимости от срока страхования определенную денежную сумму.

Договоры страхования жизни могут заключить граждане в возрасте от 16 до 70 лет. Минимальная страховая сумма 300 рублей.

По договорам страхования жизни предусматривается также ответственность органов Госстраха перед застрахованными при наступлении в течение срока страхования определенных событий, связанных с состоянием их здоровья.

ГОССТРАХ ИНФОРМИРУЕТ: с 1986 года, заключая договор, страхователь может предусмотреть возможность получения удвоенной или утроенной страховой суммы при наступлении утраты общей трудоспособности, что позволит в большей степени возместить расходы, связанные с лечением и восстановлением здоровья.

Подробную информацию о проведении страхования жизни Вы можете получить в инспекции Госстраха или у страхового агента, обслуживающего Вас по месту работы.

Госстрах РСФСР